

АНДРЕЙ МАЙДАНСКИЙ

Экономика и свобода в «науке истории» Маркса

Свои критические замечания к статье В. М. Межуева мне хотелось бы предварить указанием на те положения исторической теории Маркса, относительно которых у нас нет никаких расхождений.

Трудно не согласиться с тем, что материализм Маркса является «практическим», и с определением практики как производства самого человека — общественных отношений между людьми (третий тезис о Фейербахе).

Принципиально верной и глубокой мне представляется данная Межуевым характеристика Марксовой исторической теории как «феноменологии труда». Все и вся в истории человечества должно быть понято как проявления — феномены, или лучше тут подошел бы Спинозовский термин «модусы», — одной единственной субстанции. Для Маркса это — труд. Именно так обстоит дело с той частью всемирной истории, что была исследована в «Капитале». Труд абстрактный и конкретный, живой (рабочая сила) и овеществленный (капитал), необходимый и прибавочный, частный и общественный — вся эта книга, от первой до последней строки, представляет собой изображение великой метаморфозы труда в буржуазную эпоху.

Уместным и полезным надо признать напоминание Межуева о том, что именно капитализм, по Марксу, является творцом «всемирной цивилизации». Об этой великой исторической миссии капитала не следует забывать тем весьма революционно настроенным марксистам, которые осыпают проклятиями буржуазное общество с его глобальной системой эксплуатации трудящихся. Причем миссия эта выполнена все еще далеко не полностью — быть может, капиталу понадобится не одно столетие, чтобы закончить дело.

Проведенный в финале статьи Межуева анализ понятия свободного времени я нахожу превосходным. Это понятие — важная точка роста марксистской теории истории. Маркс лишь парой штрихов наметил решение проблемы, и оно, безусловно, нуждается в углублении.

Вообще, в творчестве В. М. Межуева подкупает стремление очистить идеи Маркса от позднейших наслоений, от шлама идеологической дог-

матики и схоластики, которую в советские времена именовали «истматом». Тут я всецело на его стороне.

Не всегда приемлемыми кажутся мне, однако, те средства, которые используются Межуевым в ходе, так сказать, дефлаграции¹ Маркса. При этом серьезно искажаются основоположения материалистического понимания истории. Чтобы доказать это, мне поневоле придется много цитировать первоисточники, за что заранее прошу прощения у читателя. Во избежание экивоков по мере надобности приводятся ссылки на оригинал.

1. «Сущность человека следует искать в его общественном бытии», — пишет Межуев, и всякий марксист обязан с ним согласиться. Ниже, однако, читаем иное: «Если практика — синоним того, чем человек является в истории, то отчуждение — синоним его существования в обществе. Опозиция практики и отчуждения оказывается в этом смысле опозицией истории и общества».

Не настаиваю на аналогии, но мне при чтении этих строк вспомнился старый экзистенциальный мотив: «общество» — чуждая и враждебная человеческой личности реальность, безличное *das Man*; а «история», наоборот, для личности — дом родной, моя «экзистенция» насквозь вся исторична...

У Маркса ни о какой опозиции истории и общества ни слова, ни звука нет. Для него история не что иное, как «акт возникновения человеческого общества»², а гражданское общество — «истинный очаг и арена всей истории»³.

Общество, в том числе и гражданское (*bürgerliche* — буржуазное), не «плотина» в реке истории, а сама «вода». Препятствуют течению истории лишь отжившие *формы* общения (*Verkehrsformen*), к числу которых Маркс относил частную собственность. При этом нельзя забывать, что частная собственность в течение тысячелетий была не преградой, а, наоборот, величайшим стимулом исторического развития. Остается она таковым и поныне, вопреки расчетам и чаяниям Маркса. Возможно, он признал бы, что поторопился списать отношения частной собственности в утиль как «оковы» производительных сил, доведись ему взглянуть на стремительный, небывалый в истории рост этих самых сил, совершающийся на наших глазах *благодаря* углублению разделения труда, а стало быть — частной собственности⁴.

¹ Очищение сгоранием или нагреванием (*лат.* *deflagratio*).

² Сочинения. Т. 42. С. 124.

³ Там же. Т. 3. С. 35. «... Daß diese bürgerliche Gesellschaft der wahre Herd und Schauplatz aller Geschichte ist». (Marx/Engels Werke. Bd. 3. S. 36.)

⁴ «Разделение труда и частная собственность — это тождественные выражения: в одном случае говорится по отношению к деятельности то же самое, что в другом — по отношению к продукту деятельности». (Т. 3. С. 31.)

«Оппозиция практики и отчуждения» также хромает на обе ноги. Отчуждение — это особая историческая форма практики (труда). «Средство, при помощи которого совершается отчуждение, само есть *практическое* средство», — подчеркивал Маркс⁵. «Акт отчуждения практической человеческой деятельности, труда»⁶ есть ее расщепление и отделение *от себя самой*: die Entäußerung in der Tätigkeit der Arbeit selbst. «Само производство должно быть деятельным самоотчуждением, самоотчуждением деятельности, деятельностью самоотчуждения»⁷.

Не к отчуждению практика находится в оппозиции, а *к себе самой* — исторически человеческий труд отчуждается от себя, «самоотчуждается» (скажем, расслаиваясь на духовный и материальный труд и образуя два враждующих класса общества). Это если понимать практику по Марксу. В. М. Межуев далеко уходит от Маркса, наполняя его термины иными, своими смыслами. Не возьмусь утверждать, что Межуев ошибается по существу дела. Уверен лишь, что он неверно передал мысль Маркса.

2. «Историческое знание... не может быть уподоблено и знанию естественно-научному, ибо „история людей“ в одном пункте существенно отличается от „истории природы“ — в ней есть *субъект*, действующий не в силу природной необходимости, а сознательно избранной им и поставленной перед собой цели», — комментирует Межуев вычеркнутые авторами слова из «Немецкой идеологии».

Если бы Маркс видел различие между историями человека и природы в наличии целесообразно действующего субъекта, то его взгляд на специфику исторического не отличался бы от взглядов всех прежних историков — идеалистов.

История людей пишется их собственным трудом — вот в чем ее действительно существенное отличие от истории природы. Таков первопринцип Марксова *материалистического* понимания истории. Преследуемые субъектами «сознательные цели» суть лишь идеальные «испарения» (Sublimate) процесса производства материальной жизни людей, включая цели моральные, религиозные, метафизические и прочие «туманности в мозгу» (die Nebelbildungen im Gehirn).

3. «Маркс видел себя прежде всего в роли историка», — настаивает В. М. Межуев. Да, но к этому следовало бы добавить, что никаких других наук Маркс вообще не признавал: «Мы знаем только одну единственную науку: науку истории... Ее можно разделить на историю природы и исто-

⁵ Там же. Т. 42. С. 568–569.

⁶ «Akt der Entfremdung der praktischen menschlichen Tätigkeit, die Arbeit». (Werke. Bd. 40. S. 515).

⁷ Сочинения. Т. 42. С. 90.

рию людей»⁸. Маркс не только себя, но и Дарвина с Коперником видел в роли историков. Всякий настоящий ученый — историк.

«История людей» имеет своим предметом все, что создается трудом, а потому должна включать в себя все науки о человеке. Роль историка не мешает Марксу быть экономистом⁹, как не мешала эта роль Дарвину быть биологом и Копернику астрономом.

Ну а «идеология вообще, немецкая в особенности», есть родной, исконный предмет философии — науки об идеях и идеальном. Это *сто-процентно философское* сочинение и при этом сочинение «историческое», т. е. научное. Нельзя отрывать науку истории от экономики, философии и других общественных наук, как это делает Межуев. Еще более грубой ошибкой было бы сужать предмет «науки истории» Маркса до области интересов «профессиональных» историков, от Геродота до Гуревича.

4. «...Историю делают люди, смысл деятельности которых нельзя постичь путем апелляции к законам, подобным природным», — постулирует Межуев, на этом основании пытаясь противопоставить историю людей естествознанию — истории природы.

Меж тем Маркс предрекал, что наука о человеке и естествознание сольются: «это будет *одна наука*» (*es wird eine Wissenschaft sein*). Равнясь на этот идеал, он и свою теорию формаций замышлял как естественно-историческую. В отличие от неокантианцев для Маркса не было никакой китайской стены между историями людей и природы.

«История есть истинная природная история человека. (К этому надо еще вернуться)»¹⁰. Молодой Маркс развеял идеалистическую иллюзию внеприродности общественного бытия, т. е. истории. «*Общество* есть законченное сущностное единство человека с природой, подлинное воскресение природы, осуществленный натурализм человека и осуществленный гуманизм природы»¹¹. А коммунизм, — продолжает Маркс, — есть не что иное, как «завершенный гуманизм или натурализм». Маркс ставит знак равенства: «Naturalismus = Humanismus».

Единство законов природы и смысла деятельности людей для Маркса не подлежит сомнению, здесь нет ничего непостижимого. Единая наука истории обязана постичь *единый* закон развития Вселенной — как говорится, от амебы до Эйнштейна (или нет, шире: от фотона до Ньютона и от кванта до Канта). Вот почему Маркс расценил книгу Дарвина о происхождении видов *растений и животных* как «естественно-историческую основу наших взглядов»¹² на *человеческое общество*.

⁸ Там же. Т. 3. С. 16.

⁹ Зрелый Маркс сам называл себя экономистом (т. 4, с. 69) и свои работы — экономическими. (Т. 29. С. 275, 317; Т. 30. С. 235.)

¹⁰ «Die Geschichte ist die wahre Naturgeschichte des Menschen». (Werke. Bd. 40. S. 579.)

¹¹ Сочинения. Т. 42. С. 118.

¹² Письмо к Энгельсу, 19 декабря 1860 г. // Там же. Т. 30. С. 102.

Конечно, глупо распространять на людей законы жизни амёб и мыслить общество «по аналогии с природным объектом» (В. М. Межуев). Не о том речь. Человеческая рабочая сила, по Марксу, есть сила природы (Naturmacht), средоточие всех природных энергий и потенциалов. «Трудящийся субъект есть индивид, данный природой, природное бытие (natürliches Dasein¹³), он есть эта неорганическая природа как субъект (Natur als Subjekt)»¹⁴. И нельзя считать человека хоть на йоту свободным от действия законов природы. Другое дело, что в общественном бытии эти всеобщие законы проявляются (Э. В. Ильенков сказал бы — представляются) совершенно особым образом — в своем чистом виде, или идеально.

5. В. М. Межуев предлагает различать «материальное производство» и «экономику», сводя последнюю к товарным отношениям. В таком случае, разумеется, лишь одна формация является «экономической», да и она становится таковой в полном смысле слова лишь на последней, буржуазной своей стадии. Остальные две — архаическая и коммунистическая формации — «экономическими» не являются вовсе¹⁵.

Маркс ни в коем случае не ограничивал экономику товарными отношениями. Слово «экономика» у него всюду означает сферу хозяйственной деятельности людей, общественное производство; в «Капитале» термины «производство» и «экономика» пишутся прямо через запятую¹⁶. Тексты Маркса не дают основания приписывать ему, мягко говоря, странное мнение, будто существует только один вид экономики — рыночная. В «Grundrisse» перечисляются, например, «феодальная, античная, восточная экономика»¹⁷, причем последняя имела своим основанием коллективную (общинную) собственность на условия труда.

В главе о формах общинной собственности «экономическое» — на каждом шагу. «Экономическим целым является каждый отдельный дом, который сам по себе, взятый отдельно, образует самостоятельный центр производства... У германцев экономическим целым является отдельное жилище... Община в виде своих городских земель отличается от особого экономического существования отдельного члена общины... Она имеет особое экономическое существование в виде совместно

¹³ Термин «Dasein» точнее было бы перевести как «наличное бытие» — конкретное проявление бытия (Sein) природы. Так «Dasein» переводится в русских изданиях трудов Гегеля.

¹⁴ Там же. Т. 46. Ч. I. С. 477.

¹⁵ Идею «формационной триады» в свое время отстаивали Ю. К. Плетников и «пост-экономист» В. Л. Иноземцев. (К теории постэкономической общественной формации. М.: Таурус, 1995.)

¹⁶ «И у греков с римлянами был какой-нибудь процесс производства, какая-нибудь экономика, которая служила материальным базисом их мира...» (Т. 23. С. 91.)

¹⁷ Там же. Т. 46. Ч. I. С. 43.

используемых районов охоты, пастбищ и т. п.»¹⁸ Рыночная экономика, как видим, тут вообще ни при чем.

Межуев в точности повторил ошибку Прудона: «позабыл ту истину, что буржуазная история и каждая ее фаза тоже имеют свою *экономику* и *экономическую основу* своего движения (auch ihre *Ökonomie* hat und eine *ökonomische Grundlage* der Bewegung), эта истина в конце концов сводится к той тавтологии, что жизнь людей искони покоилась на производстве, на того или иного рода *общественном* производстве, отношения которого мы как раз и называем экономическими отношениями»¹⁹. Курсивы принадлежат Марксу, заметьте. В этих словах — суть материалистического понимания истории.

Высшую общественную формацию Маркс по меньшей мере трижды именуется «экономической»²⁰, хотя совершенно ясно, что ни о каких товарных отношениях и об отношениях частной собственности вообще тут не может идти и речи. Наконец Маркс неоднократно говорит о «самых разных экономических формациях»²¹ и постоянно употребляет термин «экономические формации» *во множественном числе*, после чего гипотеза об *одной единственной* экономической формации теряет остатки правдоподобия.

6. В чем В. М. Межуев прав, так это в том, что Марксова «формация» — самая обыкновенная абстракция, каких немало в эмпирической историографии. На мой взгляд, это — *дефект*, в коем кроется причина аморфности формационной теории Маркса. Отсутствие логической строгости и, как следствие, историческая неполнота ее особенно бросаются в глаза при сравнении с теорией истории товарного обмена — диалектической дедукцией формы стоимости в первой главе «Капитала».

При этом Маркс все-таки достаточно определенно отличал буржуазную формацию от остальных. Например, в «Капитале» читаем: «Только та форма, в которой этот прибавочный труд выжимается из непосредственного производителя, из рабочего, отличает экономические формации общества (die *ökonomischen Gesellschaftsformationen*), например, общество, основанное на рабстве, от общества наемного труда»²².

¹⁸ Там же. С. 471–472.

¹⁹ Там же. С. 477.

²⁰ «С точки зрения более высокой экономической общественной формации (einer *höheren ökonomischen Gesellschaftsformation*) частная собственность отдельных индивидуумов на землю будет представляться в такой же мере нелепой, как частная собственность одного человека на другого человека». (Т. 25. Ч. II. С. 337. См. также: Т. 26. Ч. III. С. 446; Т. 19. С. 120.)

²¹ Вот три примера только из первого тома «Капитала»: «...Den verschiedenartigsten *ökonomischen Gesellschaftsformationen* angehört...» (s. 380); «in den verschiedensten *ökonomischen Gesellschaftsformationen* findet nicht...» (s. 624); «...die in den verschiedensten *ökonomischen Gesellschaftsformationen* reifen...» (s. 778). Ср. рус. изд.: Т. 23. С. 372, 611, 759.

²² Сочинения. Т. 23. С. 229.

Если В. М. Межуев и после этих слов продолжит настаивать, что для Маркса буржуазный и рабовладельческий строй принадлежат к одной и той же экономической формации, то я просто не знаю, какой аргумент вообще мог бы его переубедить.

Набросок письма к Засулич, на который ссылается Межуев, не дает ни малейшего повода для зачисления капитализма во вторичную формацию, которая «охватывает, разумеется, ряд обществ, основывающихся на рабстве и крепостничестве»²³. Общество, в основе которого лежит наемный труд, в данный ряд никоим образом не вписывается. А вот рабовладение и феодализм, в основе которых лежат отношения *личной* (а не *вещной*, как при капитализме) зависимости, Маркс действительно то объединяет, то разводит в разные формации. И об архаической формации он, похоже, составил более-менее твердое представление лишь к концу жизни.

7. «Мы исходим из другого широко известного высказывания Маркса, согласно которому „царство свободы“ начинается „по ту сторону экономической необходимости“, хотя и основывается на этой необходимости», — пишет В. М. Межуев, очевидно, имея в виду следующее место из третьего тома «Капитала» (выражение «Reich der Freiheit» у Маркса встречается лишь в одном этом месте): «Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства (*jenseits der Sphäre der eigentlichen materiellen Produktion*)»²⁴.

Как видим, речь тут ведется не об экономической необходимости, а о *материальном производстве*. В. М. Межуева просто подвела память — из этой ошибки он и исходит в своей трактовке «экономического». Предложив различать «материальное производство» и «экономику», Межуев сам же затем и перепутал одно с другим.

8. Прямым следствием всех этих деформаций является положение о том, что за пределами «экономической» формации экономика отнюдь не образует основу общественной жизни, базис общества. Фактически это означает, что материалистическое понимание истории справедливо лишь для одной формации, да и то лишь «на заключительном этапе ее становления» (В. М. Межуев).

Меж тем Маркс в набросках письма к Засулич писал о совместном жилище как «экономическом базисе» архаических общин, причем самых примитивных — сложившихся «задолго до появления пастушества

²³ Там же. Т. 19. С. 419.

²⁴ Там же. Т. 25. Ч. II. С. 386–387.

и земледелия»²⁵. Согласно «Grundrisse», коллективная собственность образует «экономическую основу (die ökonomische Grundlage) различных форм общины»²⁶. В азиатской, античной и германской формах собственности, по словам Маркса, «земельная собственность и земледелие образуют базис экономического строя (die Basis der ökonomischen Ordnung)»²⁷. Ну и патати э патата.

Все это писалось зрелым Марксом о той самой первичной, архаической формации, которая, по Межуеву, никакого экономического базиса не имеет и вообще не является формацией «экономической».

9. «В свободное время, считает Маркс, люди производят не вещи и даже не идеи, а *самих себя* во всем богатстве и разносторонности своих связей и отношений с миром и другими людьми», — эту, в принципе верную, мысль В. М. Межуева мне хотелось бы уточнить.

Производя вещи и идеи, человек как раз и производит *самого себя*, свои связи и отношения с миром и другими людьми. Любая вещь (не говоря уже об идеях), сделанная человеком по-человечески, есть не что иное, как общественное отношение, выраженное в предметной форме: «сама эта вещь есть *предметное человеческое* отношение к самой себе и к человеку, и наоборот»²⁸.

Дело обстоит не так, что человек создает себя только в свободное от производства идей и вещей время, и личность его не есть некий экзистенциал, получаемый за вычетом идей и вещей. Человек есть то, что он делает.

10. Сверхзадача общественного развития, по Марксу, заключается в том, чтобы *снять противоположность* времени рабочего и свободного: «Само собой разумеется, что само непосредственное рабочее время не может оставаться в положении абстрактной противоположности к свободному времени»²⁹. Маркс предрекает превращение рабочего времени в свободное, когда процесс производства превратится в занятие «материальное творческое» — в экспериментальную науку.

Проблема не только и не столько в *количественном* сокращении рабочего времени до минимума и его экономии (В. М. Межуев), сколько в его *качественном* освобождении. Надлежит не просто уменьшить и сберечь рабочее время, но *освободить* его целиком и полностью. Пока цела сама граница между рабочим и свободным временем, их абстрактная про-

²⁵ «*Das gemeinsame Haus und die kollektive Wohnung* waren dagegen eine ökonomische Basis der primitiveren Gemeinwesen, und das schon lange vor dem Aufkommen von Viehhaltung und Ackerbau». (Bd. 19. S. 403.)

²⁶ Там же. Т. 46. Ч. I. С. 490.

²⁷ Там же. С. 472.

²⁸ Там же. Т. 42. С. 121.

²⁹ Там же. Т. 46. Ч. II. С. 221.

тивоположность остается в силе: труд остается разделенным надвое — на царство необходимости и царство свободы.

Нет, труд должен весь, с головы до пят, превратиться в творчество — в самодеятельность, насквозь пропитавшись культурой. Разделение труда будет окончательно снято лишь тогда, когда само необходимое рабочее время делается временем свободным: *свободный* труд станет для человека *первой необходимостью* (высшей потребностью и целью жизни), а *необходимый* труд делается *свободным*, творческим приложением теоретических познаний.

* * *

В советское время одни философы мимикрировали, приспособив свои взгляды к освященным истматам положениям Маркса, другие стремились «оживить» тексты классиков, нередко их ретушируя, как В. М. Межуев. Маркс превратился у него из экономиста в «историка», изрядно пропитанного культурологией. При этом действительно всплывают многие чрезвычайно важные идеи Маркса, ускользавшие от истмата, но и топится, как мы видели, многое, слишком многое.

Если бы Межуев высказывался от собственного имени, его концепция не стала бы менее ценной, и Маркс бы так не пострадал. Каждый ученый вправе переосмыслить и ревизовать взгляды своих предшественников — собственно говоря, так только и возникают новые теории. К счастью, в наши дни больше нет инстанций, способных покарать «ревизиониста и ренегата».

Мне самому Марксова теория формаций представляется логически ущербной, а все старания достроить ее и согласовать с новыми историческими данными — тщетными. А. Я. Гуревич совершенно справедливо оспаривал пригодность эмпирических абстракций, каковыми являются Марксовы «формации», к роли всеобщих и необходимых ступеней истории. В эмпирических обобщениях настоящей, строгой необходимости нет и быть не может. (Жаль только, сам Гуревич взамен не предложил ничего, кроме других, более мелких, эмпирических абстракций.)

Не подлежит сомнению, что Межуев многое, притом лучшее, взял у Маркса. Об актуальности учения Маркса свидетельствуют не столько кризисы и прочие эмпирические симптомы «разложения» капитализма, так радующие недалеких умом коммунистов, сколько появление из лона классического марксизма все новых теорий, глубоких и неординарных, одну из которых создал В. М. Межуев.